

DOI10.25991/VRHGA.2020.21.3.025

УДК 13.00.01

*А. А. Корольков**

О ТРАДИЦИИ ДУХОВНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАНИИ

В статье прослеживается история духовного наставничества (учительства) как самая длительная и поучительная. Исследуются различные формы наставничества — от пастырского попечения до писательского учительства русской литературы. Обосновывается необходимость преподавания русской философии в высшей школе как компонента духовного возрастания личности.

Ключевые слова: учитель, наставник, пастырь, старец, художественная литература, русская философия.

A. A. Korolkov

ON THE TRADITION OF SPIRITUAL GUIDANCE IN EDUCATION

The article traces the tradition of spiritual guidance (or tutorship) as a long and instructive way of training. Different forms of tutorship are investigated — from the spiritual tutorship of priests to the guidance of writers in Russian literature. A necessity to teach Russian philosophy in the higher institutes of learning as a component of the spiritual growth of one's personality is grounded.

Keywords: teacher, tutor, mentor, *starets* (spiritual father, monastic elder), literature, Russian philosophy.

Формирование человека во все века происходило под влиянием наставников — родителей, воспитателей, и не случайно еще в ветхозаветной культуре постоянно используются метафоры «отец» и «сын» для обозначения в текстах учителя и ученика [2, с. 76]. История духовного наставничества — самая длительная и поучительная, но в нашей философской и педагогической литературе

* Корольков Александр Аркадьевич, академик РАО, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; a-korolkov@mail.ru

она обойдена вниманием. О высшей форме учительского служения писали прежде всего как о духовном служении.

История учительства в христианстве неотделима от Христа и его ближайших учеников. «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то» (Ин. 13: 13). Около IV в. наименование Отцы и Учители Церкви стало прилагаться к признанным среди верующих вероучителям, излагавшим свое учение как устно, так и письменно. Г. В. Флоровский в главе об Иоанне С.: Иоанне Златоусте выделил заголовок «Златоуст как Учитель» и отметил замечательную особенность Златоуста быть пастырем душ, а не оратором: «...его задача не в том, чтобы раскрыть или развить до конца ту или другую объективную тему, но в том, чтобы тронуть живое сердце» [16, с. 211]. Вот эта задача — тронуть живое сердце — открывается, к сожалению, не всякому педагогу, хотя обездушенная, бессердечная педагогика перестает быть педагогикой, учительством. А задача становится выполнимой, если слово учителя рождено самостоятельным преломлением книжных знаний, творческим отношением к своему делу. Еще в текстах Григория Паламы и Лествице встречаем мы уподобление наставника кормчему, которому «неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других, так как и живописцам, когда они делают только списки с чужих рисунков» [10, с. 472].

О наставнической роли Учителя, отраженной в Евангелиях, писали многочисленные комментаторы, в т. ч. историки педагогики. «Содержанием педагогического учения (равно как и традиции) выступает в христианстве не только учение, но и личность Учителя» [2, с. 215]. Христианское воспитание предполагает высшую степень личностного воздействия учителя на ученика, в т. ч. следование наставлениям и жизни Христа. Существенно то, что, в отличие от других древних школ, «окружающие Господа были связаны с Ним не единством происхождения по плоти, но узами духовными» [9, с. 30].

В западной теологии и православном богословии издавна пристальное внимание было приковано к роли пастыря, а постепенно сложившаяся наука пастырского богословия обращена к изучению деятельности пастыря, этики пастырского служения, личностных качеств душепопечителя [1; 11]. Душепопечение пастыря не ограничивалось пределами храма, просвещенные священнослужители не только не чуждались науки, светской культуры, но являли подчас образцы преданности науке. В Российскую академию наук входили в свое время митрополиты Филарет, Макарий (Булгаков), Платон (Левшин), членом Российской академии образования уже в наше время стал патриарх Московский и всея Руси Алексий. А каким нераздельным служением и Церкви, и практической хирургии стала подвижническая жизнь епископа Луки (Войно-Ясенецкого)!

Чтобы приблизить образ Иисуса к воспитанию детей, предпринимались попытки расширить сведения об его детстве, это особенно выражено в апокрифических евангелиях. Во многих ранних комментариях апокрифа апостола Фомы его называют «философом» — так называли в те времена учителей высокого ранга, имевших вокруг себя более или менее устойчивые кружки — школы. Духовное наставничество распространялось не только на детей, в духовном попечении нуждаются все, независимо от возраста, образованности

и социального статуса. Даже святые стремились к еще большим духовным высотам, поскольку сознавали, что абсолютное совершенство недостижимо, оно не может быть совершеннейшим, «потому что совершеннейшее возрастать не может» [4, с. 168]. А совершенствование предполагает наставничество, пощение — непосредственное или совершающееся через воздействие книги, за которой тоже стоит человек.

Старцы, старчество — особо почитаемая в России форма наставничества. Пробудившаяся к религиозности интеллигенция второй половины XX столетия стала искать духовной опоры у монахов, батюшек, которых молва причисляла к старцам, — плыли на остров к отцу Николаю Гурьянову, ехали, шли к отцу Иоанну (Крестьянкину). Особое отношение к старчеству повторило искания интеллигенции начала XX в., оно обнаруживалось тогда даже у натур бунтарски свободолюбивых, это отразилось в автобиографических признаниях С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева. Старцев-наставников искали и их предшественники — Достоевский, братья Киреевские, Леонтьев; они нашли своего старца Амвросия в Оптиной Пустыни, он многое определил в их духовной биографии. Духовная встреча не может быть односторонней: если нет доверия к старцу, если гордыня препятствует вслушаться в его советы, предостережения, то встреча не произойдет, пример тому известен — это неизжитое возрастом бунтарство Льва Толстого.

Духовное наставничество проявляется более широко в исповедальных беседах с духовником, подчас именно с ним советуются о самом важном, сокровенном. Причем духовник равно нужен и крестьянину, и интеллектуалу, и даже патриарху. Мудрость духовника не в исключительности его интеллекта, а в душевной отзывчивости, ею с особенной остротой и силой обладали старцы, о них и сказано предельно точно — «сердцем мудрые». Именно так и назвал свою глубокую статью о старцах Достоевского Р. В. Плетнев, в ней показано, что многое из мыслей, поступков Зосимы созвучно с реалиями личности не только оптинского старца Амвросия, но и святителя Тихона Задонского, и с духовными исканиями самого Достоевского, в т. ч. в «Дневнике писателя». Плетнев писал:

Нет случайных имен героев... Впервые имя Зосимы упомянуто в «Бесах», когда Ставрогин посещает Лебядкина, то последний, указывая на скучную обстановку своей комнаты, говорит: «Вот-с живу Зосимой»... Достоевский влагал в уста Зосимы не только общие идеи православия, но и свои мысли и свою тоску по правде и по милосердию. Он отыскивал жадно в Житиях, у Тихона, в речах Амвросия учения о спасительности искушения. Он жаждал святых, ибо был так создан, по его словам, что «не мог жить без святых». Нужен был авторитет, традиция, народное, основное и вместе с тем — всемирное. И он обрел это в старчестве. По богословскому определению «старчество» состоит в искреннем духовном отношении духовных детей к своему духовному отцу, или «старцу», т. е. «окормителю» духовному [12, с. 83, 90].

Духовное наставничество проявило себя наиболее колоритно в XVIII столетии, когда тысячи паломников стали обращаться за молитвенной поддержкой к старцу Паисию Величковскому. «Но самый тип “учительного старца”, — как отмечал писатель Борис Зайцев, — идет из греческих монастырей, и у нас

в XV в. известен, например, учительный старец Филофей Псковский» [6, с. 122]. Учительство старца Филофея не ограничилось сроками его жизни, оно исторически определило судьбу России: его слова о Москве — Третьем Риме веками поддерживают традиции православия. И ныне, когда возродился Спасо-Елеазаровский монастырь неподалеку от Пскова, учительство старца Филофея, житие которого запечатлено в истории монастыря, незримо воздействует на паломников — слова старца Филофея, обращенные к великому князю Василию III остаются назиданием для всех поколений: «Богатству, что притекает, не отдавайте сердца... Не надейся на золото и богатство, и славу, и все это здесь собирается и здесь, на земле, остается» [15, с. 18]. Подобные назидания свойственны всем мировым религиям, поддерживающим духовное здоровье народов.

По-видимому, в современных условиях требуется органическое сочетание в формировании человека знаний философских и религиозных, поскольку они несут в себе высокое духовное содержание. Классик исследования пайдейи В. Йегер считал, что Платон «отождествил философию с пайдейей, таким образом наделяя это традиционное понятие высочайшим духовным достоинством» [8, с. 201]. Вместе с тем, как был убежден Йегер, «христианская пайдейя — это Библия... В Писании Дух говорит с человечеством, словно мудрый наставник, который никогда не забывает об узких границах возможностей своих учеников» [8, с. 137].

В России к этому всемирно значимому для образования сочетанию философии и религии надо непременно добавлять еще и художественную литературу, выделяя прежде всего духовные сокровища классической литературы. Русская литература сыграла спасительную роль в сохранении духовного здоровья нации, когда господствовала идеология атеизма. Очень точно эту роль выразил Валентин Распутин:

Две силы — родная вера и родная литература — духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и окрылили его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе увидеть больше нельзя [14, с. 580].

Литературу у нас принято было называть учителем жизни, герои ее часто созидали лучшие качества детей, молодежи. Даже негативные качества героев направляли читателя к собственным нравственным оценкам и тем самым способствовали выработке шкалы духовной культуры. Понятно, что Онегин, Печорин, Базаров далеки от идеала для подражания, но их образы пробуждают собственные размышления читателя и эти размышления просветляют душу. С. С. Хоружий констатирует почти бесспорное:

Появление русской классики... создало литературе беспрецедентный, почти неограниченный авторитет в обществе, доставило ей невиданную силу воздействия на умы и породило в общественном сознании особую харизматическую фигуру «писателя-наставника», наделенного «учительной миссией» [18, с. 9].

Почему приходится сказать «почти бесспорное»? Потому что приведенное утверждение было бесспорным для определенного исторического времени — для эпохи классической русской литературы и советского периода,

когда писателя, настоящего писателя, а не борзописца, ценили как человека, несущего своим творчеством добро и красоту. Правда, русских писателей-классиков сбрасывали с корабля современности не только авангардисты, но и глубоко воцерковленные люди, убежденные в том, что вся светская культура изменила подлинно духовной литературе, музыке, живописи и ее учительские притязания извратили духовное становление личности. Трагический российский опыт XX столетия говорит о том, что не просто верующие, а даже семинаристы и священники впадали в безбожие или создавали для себя и других «новую духовность». Некоторые преодолевали помрачение и даже становились глубокими богословами, религиозными философами, как это произошло с С. Н. Булгаковым. Одну из глав автобиографической книги он так и назвал «Мое безбожие», это безбожие длилось от юношеских 14 лет до тридцатилетия. Нигилизм на длительное время убил все усилия родительского воспитания в семье священника, и только через полтора десятилетия открылись его глаза на то, что «в русской истории духовное сословие, при всех немощах, было действительно и наиболее духовным» [3, с. 25]. Виной разочарований в религиозной духовности часто становилась формализация школьного преподавания основ религиозной культуры; об уроках Закона Божия найдется немного радужных воспоминаний. Будущий религиозный философ Н. А. Бердяев получил в кадетском корпусе на экзамене по Закону Божию единицу при двенадцатибальной системе оценок. Духовность — не рассудочная категория, она может передаваться лишь от сердца к сердцу. Большая учености учителя — не залог того, что духовность затронет душу школьника, студента. «Есть истинное удивление мысли о Боге — радостное богословие. Флоренский, вопреки всей своей учености, учил именно этому богословию... Величие Флоренского не в учености, но в преодолении ее» [17, с. 34], — так писал о подлинном учителе сын выдающегося московского пастыря Иосифа Фуделя Сергей Фудель.

Нынче наступило время без эмоциональных крайностей адекватно отнестись к урокам духовности советского периода. Был там и аскетизм Павла Корчагина, были и искренние поиски нравственного совершенствования личности, были подвиги самопожертвования во имя спасения Отечества. Можно по-разному оценивать духовные мотивы подвигов индустриализации и Великой Отечественной войны — одни считают их плодами новой идеологии, другие — проявлением нравственных заповедей, укорененных в исторических традициях. В любом случае это было служение надындивидуальным целям, смыслом, т. е. проявлением духовных мотивов, противоположных эгоистическому себялюбию. Родители, школа, литература стремились воспитать порядочность, совесть, человечность, веру в существование высших целей жизни человека. Фактически это были попытки утвердить внерелигиозную духовность, в которой место Бога занял Идеал. Э. В. Ильенков написал статью «Идеал» как родственную классической его статье «Идеальное» для «Философской энциклопедии», издал популярную книгу «Об идолах и идеалах», а посмертно вышла книга его статей «Искусство и коммунистический идеал» [7]. И это тоже было духовное наставничество, которое существенно влияло на образование.

Было бы большой ошибкой сводить духовное учительство лишь к религиозному образованию и воздействию литературы, тем более что никогда не было однозначно просветляющего воздействия уроков религиозной культуры и литературы. Всегда в этих уроках, лекциях остается главное — кто и как воздействует.

Находили путь к читателям и книги о духовном наставничестве, опирающиеся на традиции исторического бытия народа. Эльмар Соколов сумел в 70-е гг. XX в. объединить коллектив авторов для написания книги «Духовное становление человека», изданной неправдоподобным для начала следующего века тиражом — 78 тысяч экземпляров [5].

Ныне остро стоит вопрос о возможностях высшей школы влиять на духовное формирование молодежи. Такие возможности находят творчески работающие учителя даже в преподавании математики. Впрочем, им есть на что опираться в отечественной педагогике. Сложившаяся на рубеже XIX–XX вв. Московская философско-математическая школа [13] прочертила яркий след и в математике, и в философии. Ведущим теоретиком школы был Н. В. Бугаев, автор философско-математических работ «Основные начала эволюционной монадологии». «Математика и научно-философское мировоззрение». Показательно, что П. А. Флоренский, внесший немалый вклад в достижения этой школы, относился к Н. В. Бугаеву как к своему учителю, а учительство рассматривал как основу действенного мировоззрения. Он был убежден, что только диада «учитель — ученик» способна подниматься по лестнице познания и духовного совершенствования. Флоренский считал высшей формой обучения живое общение учителя и ученика. Эти убеждения противоположны современным стремлениям организаторов образования вытеснить лекционно-семинарскую форму обучения из университетских аудиторий и заменить ее дистанционной, то есть фактически заочной. Дистанционное обучение, конечно, в условиях применения новых средств коммуникации несопоставимо с возможностями столетней давности, но оно не может стать абсолютной заменой живого общения профессора, научного руководителя со студентом, аспирантом.

Особую роль в духовном возрастании личности способна сыграть история русской философии, поскольку именно она выразила проблемы духовности, она была сосредоточена на выявлении смысла человеческого бытия, на отношении к проблемам добра и зла, смерти и бессмертия. Приходится сожалеть, что в условиях отсутствия социальных ограничений на чтение текстов религиозной философии не совершен прорыв в расширении и углублении изучения истории русской философии в высшей школе. Даже аспиранты в своем образовании вынуждены ограничиваться знакомством лишь с позитивистски ориентированным курсом истории и философии науки. Дело не просто в расширении философской эрудиции, а в углублении духовных запросов и духовной культуры современного образованного человека. История русской философии может выполнить существенные задачи духовного учительства, наставничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний, митр. Сурожский. Пастырство. — Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2005. — 460 с.
2. Безрогов В. Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. — М., 2008 (Памятники исторической мысли). — 459 с.
3. Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. 2-е изд. — Paris: YMCA-PRESS, 1991. — 166 с.
4. Григорий Палама, св. Триады в защиту священнобезмолствующих. — М., Канон, 1995. — 384 с.
5. Духовное становление человека / сост. Э. В. Соколов. — Л., 1972. — 176 с.
6. Зайцев Б. К. Св. Сергей — чудотворец и наставник // Зайцев Б. К. Избранное. — М.: Никея, 2015.
7. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
8. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2014. — 216 с.
9. Кассиан, еп. Христос и первое христианское поколение. 3-е изд. — Париж; М.: YMCA-PRESS, 1996. — 370 с.
10. Лествица Иоанна, игумена Синайской Горы. — М.: Лествица, 2002. — 472 с.
11. Макаров Илья, свящ. Грани современного пастырства: этика. — СПб.: Изд.-во СПбПДА, 2018. — 174 с.
12. Плетнев Р. В. «Сердцем мудрые» (О старцах Достоевского) // О Достоевском. Сб. статей / под ред. А. Л. Бема. — Прага, 1933. — Т. 2. — С. 73–92.
13. Половинкин С. М. Московская философско-математическая школа // Половинкин С. М. Русская религиозная философия. Избр. статьи. — СПб.: РХГА, 2010. — С. 280–300.
14. Распутин В. Г. «Откройте русскому человеку свет». О Ф. М. Достоевском // У нас остается Россия. — М., 2015. — С. 576–581.
15. Спасо-Елеазаровский монастырь. — СПб., 2014.
16. Флоровский Г. В. Восточные Отцы IV века. — Paris: YMCA-PRESS, 1990. — 240 с.
17. Фудель С. И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям. — Троице-Сергиева Лавра, 2016. — 264 с.
18. Хоружий С. С. Философское и богословское творчество российской диаспоры // Русская философия в изгнании. Исследования и публикации. — М., 2012. — С. 8–95.